

УДК 001

DOI: 10.34670/AR.2023.33.41.002

Нарративная идентичность и этический субъективизм

Бабич Владимир Владимирович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры истории и философии науки,
Томский государственный педагогический университет,
634061, Российская Федерация, Томск, ул. Киевская, 60;
e-mail: v.v.babich@gmail.com

Аннотация

Анализируется связь модели нарративной идентичности и концепции этического субъективизма. Представленный анализ опирается на концепцию нарративной идентичности Поля Рикёра и установки моральной философии Кристины Корсгаард. Утверждается, что нарративная идентичность включает в себя этические аспекты нашей идентичности в качестве неотчуждаемого элемента. Выстраивание нарративной идентичности невозможно без отсылки к ценностям, которые выступают основаниями интенциональных состояний, ориентациями и мотивами, определяющими поведение. Предложена модель структуры нарративной идентичности, представленная с помощью принципа герменевтической спирали. Рассматриваемая в контексте проблемы морального поступка нарративная идентичность предполагает, что, оказавшись рассказчиком собственной жизни человек понимает себя в качестве субъекта, реализующего инициативу через действия, которые способен оценивать и вменять себе соответствующую ответственность.

Для цитирования в научных исследованиях

Бабич В.В. Нарративная идентичность и этический субъективизм // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 3А-4А. С. 14-24. DOI: 10.34670/AR.2023.33.41.002

Ключевые слова

Нарративная идентичность, практическая идентичность, личность, воплощенное познание, этический субъективизм, рефлексивное одобрение.

Введение

Развитие нарративного подхода в контексте анализа проблемы самоидентичности личности прошло путь от понимания нарратива в качестве механизма передачи информации с помощью мифа или попытки подражания вымышленному персонажу, к пониманию нарратива как особой практики развития и трансформации идентичности [Черванева, 2017; Vice, 2003]. Тип нарративной согласованности личности выступает альтернативой стандартным казуальным моделям психологической непрерывности, что позволяет выделить его в отдельное исследовательское направление [Логинов, 2018; Медова, 2013].

Целью работы является анализ связи между нарративной идентичностью и моральным субъектом. Для этого анализируется утверждение, что нарративная идентичность включает в себя этические аспекты нашей идентичности в качестве неотчуждаемого элемента. Представленный анализ опирается на концепцию нарративной идентичности Поля Рикёра и установки моральной философии Кристины Корсгаард, утверждающей, что моральная свобода действий возникает из рефлексивной структуры человеческого познания. Для Корсгаард нормативная сила морали связана с перспективой от первого лица, с «позицией агента, к которому мораль предъявляет трудные требования» [Korsgaard, 1992, с. 14-16]. Она считает, что добро всегда «привязано» (tethered) к кому-то, для кого оно имеет значение, то есть не существует «свободного», «никому не принадлежащего» добра [Korsgaard, 2009]. Добро всегда онтологизировано в персоне. Категории добра и зла имеют смысл только тогда, когда есть те, кто может их так оценить, иначе ценности не существуют. Это сближает «философию первого лица» Рикёра с философией морали Корсгаард.

Структура нарративной идентичности

Рикёровский подход к нарративной идентичности опирается на постструктуралистский, дискурсивный метод. Однако в отличие от негативной концепции субъекта Фуко, конструируемого дискурсами власти, Рикёр подчеркивает активные и творческие аспекты субъекта, способного к самоописанию. При этом личная идентичность по Рикёру – это не некая естественная данность сознания, а результат опосредования нарративами, понятиями как разнообразные модели повествовательной конфигурации. «Не бывает понимания себя, не опосредованного знаками, символами, текстами; понимание себя совпадает в конечном итоге с интерпретацией, примененной к этим последующим текстам» [Ricoeur, 1986, с. 29]. Другими словами, личная идентичность есть идентичность нарративная. Только посредством рассказа можно определить такое отношение к «Я», в котором субъект заявляет о себе, как о себе и возлагает на себя ответственность за действия, которые ему может приписать другой [Тема, 2012, с.101]. Выход к личности (к тому, кто я есть?) и к истолкованию собственных жизненных ситуаций осуществляется возможностью придать своему существованию смыслы, почерпнутые из повествовательных ресурсов культуры, имеющихся в распоряжении «Я». [Михайлова, 2016, с.15].

Модель нарративной идентичности – это не просто сообщение от первого лица о субъективном опыте и точке зрения индивида, это сложная модель, в которой субъективная точка зрения от первого лица переплетается с точкой зрения второго лица в общей коммуникативной ситуации, а также обобщаемая точка зрения или перспектива от третьего лица, предполагаемая горизонтом общедоступных символов и значений культуры.

«Интенциональное высказывание подразумевает самообозначение как говорящего, так и адресата. Но этот процесс самообозначения рождает не только «Я» и «Ты». Структура языка такова, что и третьему лицу – лицу, о котором мы говорим, – мы можем приписывать ту же самую способность обозначать себя как того, кто говорит, и обозначать своего адресата» [Рикёр, 1989, с. 43].

Нарративная модель идентичности предназначена для презентации сложной темпоральной и концептуальной непрерывности жизни человека и обладает этой способностью благодаря синтетическим стратегиям, позволяющим координировать разнородные аспекты времени и человеческого опыта. Эти стратегии аналогичны тем, с помощью которых текстовый нарратив создает единство, темпоральную связанность и смысл нарратива. Поэтому необходимо сказать несколько слов о концепции воплощенного человеческого существования, на котором основано понимание нарративной идентичности Рикёра. Это краткое изложение поможет прояснить практическую основу идентичности, занимающую центральное место в работах философа

Рикёр признавал, что формирование его философии происходило под влиянием идей Габриэля Марселя, который, как и его современник Морис Мерло-Понти, утверждал, что у нас есть рефлексивное самосознание, потому что мы существа, воплощённые в теле; мы не отвлеченное картезианское эго, а телесные существа, соразмерные всему остальному существованию [Рикёр, 1989, с. 42-43]. С этой точки зрения, сознание есть функция наших телесных способностей восприятия. Мы воспринимаем и познаем не абстрактным интеллектом, а нашими сенсомоторными способностями. Сюда входят такие вещи, как ощущение своей мускульной силы, положение своих конечностей в пространстве, слуховой, двигательный и речевой аппараты [Lakoff, 1999, с. 551–568]. Как выражение телесной индивидуальности перцептивное сознание всегда перспективно, особенности предметов и переживаний артикулируются на фоне сенсомоторных возможностей собственного тела.

«Ведь само понятие индивидуальной перспективы имеет неизбежные онтологические коннотации. В самом деле, что является центром такой перспективы, как не мое собственное тело? Но мое телесное воплощение, – то есть тот факт, что я суть это тело, – не изолированный феномен, а часть более общей онтологической структуры... В этом понимании нам дан простой факт: мое тело как тело среди других тел – только фрагмент объективного мира, но как тело собственное, мне принадлежащее, оно разделяет с Ego его статус перспективной точки отсчета, задающей границы мировосприятия.» [Рикёр, 1989, с. 44]. Из этого следует, что восприятие есть своего рода двусторонний акт: человек всегда со-воспринимает мир с восприятием собственного тела. Помещенное между миром и сознанием, тело представляет собой фундаментальное затруднение, двойную природу, в которой человек и активен, и пассивен по отношению к самому себе, одновременно выступает в качестве субъекта (Я) и объекта (тело) [Goddard, 2015, С. 19-21].

Это позволяет представить субъективность через ряд диалектических оппозиций: Я/Другой; личное/социальное; субъективное/объективное; активность/пассивность; интеллигибельное/физическое. Несводимое полностью ни к одному компоненту, личность следует понимать, как ментально-телесную динамическую перспективу. «Я» и «тело» – не два отдельных компонента одной личности, а единая диалектическая структура, «моё тело» как описал его Марсель [Гусейнов, 2015, с. 169].

Неоднозначность воплощения обеспечивает рефлексивную структуру самосознания, или, по терминологии Корсгаарда, рефлексивную установку. Именно потому, что мы являемся воплощенными сознаниями, мы можем рассматривать себя с двух разных точек зрения: как

объекты теоретического понимания (с точки зрения третьего лица) или как инициаторов наших действий (с точки зрения первого лица). Как отмечает Корсгаард, это субъективная точка зрения на собственное «Я», а не теоретическое высказывание, которое формирует мысли о «Я» как о действующем агенте [Korsgaard, 1996, с. 378].

Взаимная импликация «Я» и «тела» смещает вопрос о непрерывности идентичности к вопросу о непрерывности телесной перспективы. Перцептивная основа сознания порождает субъективность, в которой «Я» и «тело» связаны диалектическими отношениями. Это требует, чтобы «Я» рассматривал свое тело как численно идентичное тело, через которое я уже переживал тот или иной опыт ранее [Korsgaard, 1996]. Телесная основа сознания гарантирует, что непрерывность в моей перспективе от первого лица подразумевает одно и то же, численно идентичное тело. Без соотнесения с «моим телом» перспектива, которую выражает «Я», сама по себе не могла бы быть идентифицирована, поскольку она не была бы закреплена ни в чем перцептивном.

Если бы мы не были образованы телесной непрерывностью, боль утраты или радость от достижений, ощущения своего тела как своего собственного, а также способности перестроить свою жизнь как свою собственную не могли бы возникнуть, например того, как это происходит с теми, кто пережил травму [Sanders, 2019]. Непрерывность моего тела как одного и того же тела никогда не может быть просто объективным фактом биологии, химии или физики. Она включает в себя осознаваемую и самоустанавливающуюся непрерывность: то, что Рикёр и другие называют самоидентичностью или личностью (*ipseity*). «Я» всегда является воплощенным субъектом.

Каждый из нас начинает осознавать себя в качестве субъекта только после определенного периода телесного развития, сопровождающегося разными уровнями социальной интеграции. Рожденные беспомощными и переживающие длительный период детской зависимости, мы узнаем о своих собственных телах и наших способностях через взаимодействие с телами других людей, например, непосредственно через прикосновение и вокализацию, когда о нас заботятся, и косвенно через репрезентации, наблюдение и обучение, а также через сложные процессы культурного кодирования разнополых, расовых, национальных, возрастных и дееспособных других тел. Благодаря коммуникативным процессам социализации мы приобретаем понятия, эмоциональную схему и поведенческие репертуары, посредством которых развиваем наши представления о себе. Эти процессы влияют на различные способности и атрибуты, необходимые для формирования нашей идентичности.

Без опоры на реакции других, опыта рефлексии и структурирующей функции языка, мы бы не имели возможности идентифицировать свои собственные эмоции, действия и ценности [Колесов, 2020]. Формируя себя, мы соотносим существующие интерпретации со своими, пока не проясненными ощущениями еще до того, как окажемся способными сформулировать собственное высказывание и защитить наши чувства и ценности от предлагаемых трактовок. Наши личные истории предшествуют нашему самопониманию, и поэтому наши жизни должны быть пересказаны, чтобы быть понятыми.

По мере того, как прошлое человека становится известным ему через ресурсы его опекунов, партнеров и спектра нарративов, представленного в культуре, оно создает необходимый контекст, в пространстве которого человек понимает свою нынешнюю ситуацию и то, кем он является. Другими словами, наша идентичность формируется в пространстве социального и коммуникативного. Каждый из нас формирует понимание себя через отношение к сообществу собеседников, непосредственно через межличностный диалог и опосредованно через

коммуникативные сети. Это подразумевает, что понимание того «кто такой я», требует согласованности и преемственности в физических, социальных, психологических, культурных и временных аспектах жизни. Я формирую понимание себя (и другие также осознают, кто я есть) в качестве воплощенного субъекта [Шабалина, 2021, с. 69]. Как человека, родившегося в определенном месте и времени, в конкретной семье; у кого есть определенные физические и ментальные характеристики, способности и слабости, надежды, ценности и страхи; кто действовал добиваясь успехов и неудач конкретным определенным образом, кто имеет или лишен определенного гражданского и социального статуса.

Излагая свои доводы в пользу синтетической функции нарратива, Рикёр берет в качестве парадигмы аристотелевское определение нарратива как «подражание действию» [Рикёр, 1998, с. 45]. Центральная черта повествования – сюжет («*muthos*»), символическое упорядочивание разнообразных элементов человеческих действий и опыта в структуру, имеющую начало, середину и конец. Благодаря такой организации действия сюжет способен создать своего рода причинно-следственную связь, образуя хронологическую последовательность. Именно это преобразование репрезентирует непрерывность, требуемую в жизни. Нарративный сюжет, выстраивая причинно-следственные связи, организует отношения между действующими лицами, предметами, мотивами и обстоятельствами таким образом, чтобы дать ответы на вопросы «почему?», «кто?», «как?» и «где?».

Рикёр отмечает, что в аристотелевской парадигме сюжета мы находим обратную связь между агентом и действием, которая определяет этику поступка. «Это в этике («Никомахова этика», II, 1105 а) субъект – в плане моральных качеств – предшествует действию. В поэтике же построение поэтом действия определяет этические свойства характеров» [Рикёр, 1998, с. 48]. Для Аристотеля в «этике» утверждается подчинение действия характеру: действия должны следовать из добродетельного характера. В «поэтике» же характер подчинен действиям.

В живом повествовании формообразующее влияние между агентом и действием проявляется в обоих обозначенных направлениях. На вопрос «кто?» возможно ответить только косвенным путем через ответы на вопрос «что?», «почему?» и «как?» то есть путем мобилизации всей семантической сети, описывающий действия агента и контекст, в котором они реализуются. В этом смысле «нарративная идентичность исходит из определенной «герменевтики себя»: это та модальность, в которой сам понимает себя, понимая тексты, т. е. способен применить читаемые повествования к своей собственной жизни и найти в них ресурсы, необходимые, чтобы ее понять» [Тема, 2012, с. 106].

Действия человека определяются его характером и обстоятельствами, а характер определяется предыдущими действиями и пережитым опытом. Активность и пассивность характера агента – это выражение двойственности воплощенного субъекта и его социально опосредованной субъективности, которые разыгрываются в диалектике личности как «читателя» и «писателя» собственной истории.

Но для того чтобы сюжет возник, необходимо чтобы человек был способен к минимальному уровню самовыражения, ниже которого он становится неспособным управлять своими действиями и брать на себя ответственность за них. Когда какой-то аспект деятельности человека не может быть объяснен им самостоятельно, этот аспект остается для него непостижимым и не может быть интегрирован (интернализован) в его представление о себе. Таким образом, нарратив объединяет действия, характер и ценности в некое единство, синтезируя диалектические оппозиции, определенные воплощением. Данную динамическую структуру можно изобразить в виде спирали.

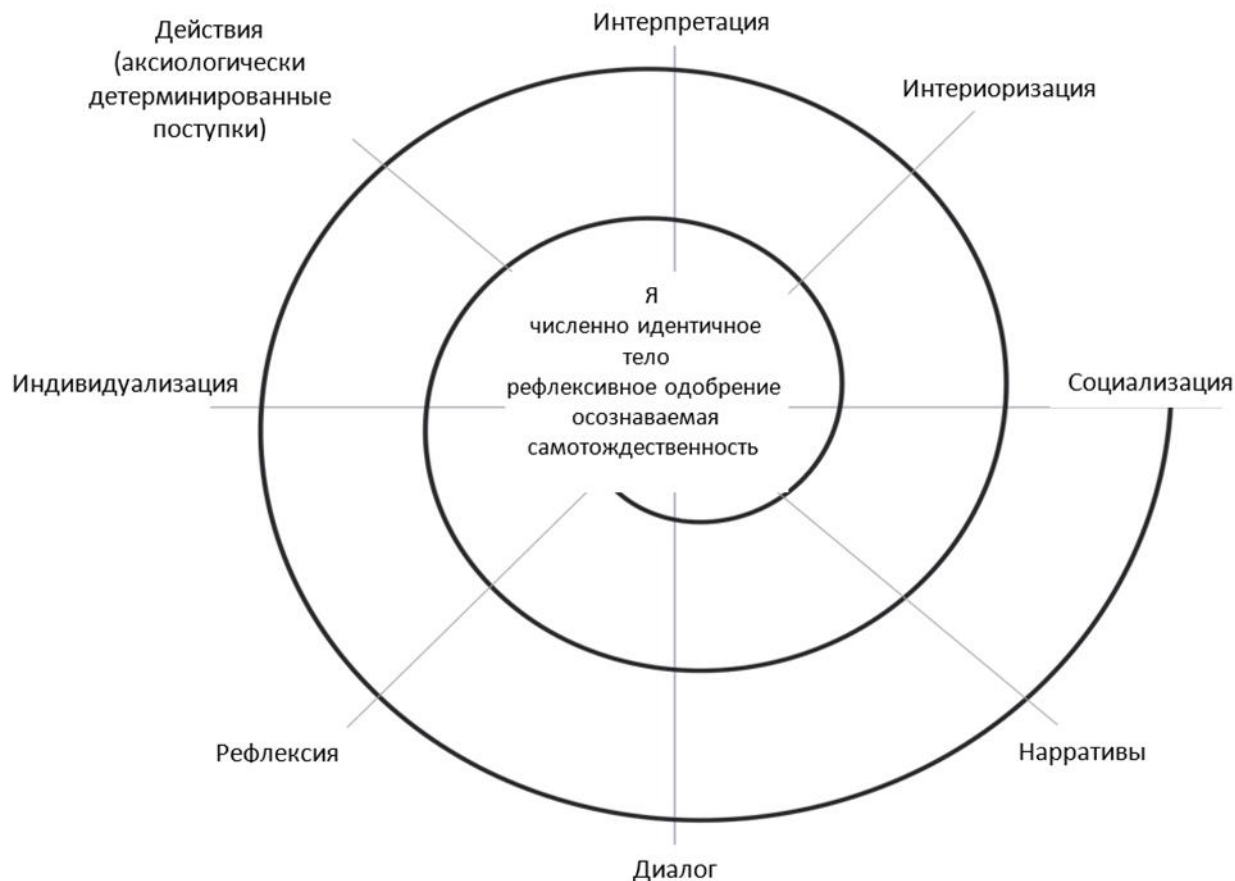

Рисунок 1 - Герменевтическая спираль

Нарративная идентичность и рефлексивное одобрение

В обстоятельствах отсутствия рефлексии и интроспекции, определяющих самовыражение, действия, желания и цели будут определяться неясными мотивами, импульсами или причинами, поэтому эти действия нельзя формально приписать человеку в качестве его собственных действий. С этой точки зрения, чтобы действия были строго собственными, они должны быть приписаны себе в качестве отрефлексированного опыта или выражать ценности, которые человек ранее артикулировал и, как следствие, действовал в соответствии с ними. Это то что Корсгаард называет «рефлексивным одобрением» (reflective endorsement). Эта «способность к сознательной рефлексии по поводу наших собственных действий дает нам вид власти над самими собой, и эта власть придает нормативность нашим моральным требованиям» [Korsgaard, 1992, с. 25-26.].

Посредством саморефлексии человек формирует основные убеждения и ценности, которые объясняют его действия и определяют интенциональность поступков. Ценности направляют наши действия и позволяют оценивать их моральное значение. Направляя действия, ценности и убеждения конкретизируют моральную перспективу человека и выражают аксиологическое измерение личности.

Отсутствие признания значения самоидентичности личности, (например, при анализе личной идентичности и детерминации поведения с помощью безличных казуальных моделей), определяет отсутствие этического измерения субъектности [Костенко, 2016, с. 100-101]. Когда

персонафицированная перспектива удаляется на фундаментальном уровне из теории личной идентичности, ничто не может вновь ввести этическое измерение в такую идентичность. Этика с точки зрения воплощённого субъекта – это не вопрос объяснения того, «что заставляет людей беспокоиться о моральных вопросах?», а нормативный вопрос «как я должен действовать?»

Мария Шехтман утверждает, что причинами, которые делают личную идентичность значимой, являются четыре практические проблемы: личный интерес, моральная ответственность, компенсация (получение выгод или потерь в будущем за свои действия в настоящем) и выживание [*Schechtman, 2014*]. Моя самоидентичность определяется тем, что для меня важно, (чтобы мои интересы реализовывались с учетом моей воли и ценностных представлений); тем что я несу моральную ответственность за свои действия; могу планировать и предугадывать последствия своих действий, (например, поехать в отпуск, на который копил деньги); и, наконец, тем что я продолжаю существовать.

Каждая из перечисленных проблем включает процессы рефлексивного одобрения или подтверждения моих качеств, ценностей, целей и интересов, – эти четыре аспекта выражают первичную непрерывность моей самоидентичности. Мое ощущение того, что значит быть одним и тем же человеком в разное время, влечет за собой постоянное ощущение того, кто я есть, где «кто», определяется выражением и постоянством моих забот о личных интересах, моральной ответственности, компенсации и выживании.

Четыре практические проблемы, с которыми мы вынуждены сталкиваться, выражают именно ту непрерывность и числовую идентичность, которую мы описываем с помощью терминов самоидентичности: взаимная импликация самости и тела, несводимая к перспективе третьего лица. Фундаментальная важность четырех проблем требует, чтобы любое объяснение личной идентичности оставляло место для деятельности, причиной которой является рефлексивное одобрение субъекта. Целостной моделью, которая может артикулировать такую непрерывность, является нарративная модель.

Корсгаард подчеркивает важность личной идентичности для понимания природы этики. Она обращается к саморефлексии в качестве причины нормативного статуса наших моральных суждений. Саморефлексия – это способность ставить под сомнение наши убеждения, желания и мотивы; это способность спрашивать себя, составляют ли они достаточные основания для наших действий. Основания – это предпочтения, ценности и желания, выдержавшие рефлексивную проверку (*reflective endorsement test*). Таким образом, способность к рефлексии является источником нормативности; она дает нам возможность выбора, во что верить и как действовать [*Korsgaard, 1992, с. 25-26*].

Когда мы исследуем причины, которыми мы руководствуемся в своих действиях, мы обращаемся к тем убеждениям, чувствам и идеям, которые способны побуждать или мотивировать нас. Такими причинами являются ценности, чувства, предпочтения и идеи, имеющие для нас практическое значение.

Подобные причины, утверждает Корсгаард, возникают непосредственно из наших представлений о себе, из нашей личной практической идентичности. «Практичная идентичность (*practical identity*) – это не теоретическая точка зрения, а точка зрения о том, что ваше существование является неизбежным научным фактом. Его лучше понимать, в качестве описания, через которое вы оцениваете себя, согласно которому вы считаете, что ваша жизнь стоит того, чтобы жить, а ваши действия достойны того, чтобы их предпринимать. Поэтому я буду называть это концепцией практической идентичности... Вы человек, женщина или мужчина, приверженец определенной религии, член этнической группы, чей-то друг и так далее.

И все эти тождества порождают причины и обязательства. Ваши причины выражают вашу индивидуальность, вашу природу; ваши обязательства проистекают из того, что запрещает или к чему обязывает эта идентичность» [Korsgaard, 1992, с 83].

Наша идентичность является сложной и наши причины действовать не являются простыми. Для того, чтобы причина имела нормативный статус, то есть порождала обязанность, направляющую действия определенным образом, эта причина должна включать координацию и согласование всей системы восприятия, ценностей, мыслей и чувств, то есть она должна задействовать семантическую структуру. Другими словами, нормативный статус причин возникает из концепции нарративной идентичности. Обращаясь к нарративной идентичности, мы можем определить отношения ценностей, идей, социальных ролей и способностей, которые определяют и задают направление нашей жизни.

Для Корсгаард воля человека функционирует как источник «морального закона» в той мере, в какой она выражает набор основных атрибутов, которые человек критически осмыслил и одобрил. Будучи выражены, эти признаки манифестируют личность человека. Когда действия человека противоречат им, или его речь дезавуирует ранее рефлексивно одобренные причины, он заново вызывает вопрос «кем он является?» посредством вопросов «что он декларирует?» и «почему он так поступает?». Таким образом, нарративная идентичность и нравственное измерение нашей жизни связаны с концепцией «рефлексивного одобрения».

Способность формировать причины своих действий и действовать в соответствии с этими причинами подразумевает наличие саморефлексии и интроспекции. Это требует минимального уровня физической, когнитивной, психологической и социальной связности (способности к самовыражению), предполагаемой нарративной идентичностью. В рамках нарративной идентичности реализуется способность воспринимать свои психологические состояния – ценности, чувства, предпочтения и убеждения – как свои собственные и одобрять их в качестве источника обязательств, в соответствии с которыми мы чувствуем себя вынужденными действовать.

Корсгаард утверждала, что этический горизонт возникает только в перспективе от первого лица, потому что нормативная сила наших причин, побуждающих к действию связана с процессом рефлексивного одобрения. «Проверка рефлексивным одобрением (reflective endorsement test) – это проверка, используемая действительными моральными агентами для установления нормативности всех их конкретных мотивов и предпочтений. Таким образом, рефлексивное одобрение – это не просто способ оправдать мораль. Это сама мораль» [Korsgaard, 1992, с. 76].

Из этого следует, что вопросы этики является практическими вопросами. Причины, на основании которых мы действуем или принимаем те или иные ценности и точки зрения, по крайней мере, частично, определяются нашей личной идентичностью. Если причины, направляющие наши действия, не основаны на наших базовых качествах, если наши ценности не воплощены в том, кто мы есть, наши действия и убеждения будут произвольными и бессмысленными.

Определяющие причины не обязательно должны быть жестко детерминированными и неизменными. Как отмечает Диана Мейерс, «посредством критического самоанализа, самопознания и самоориентации можно подчеркнуть существующую личную черту или заменить ее. Последнее достигается помещением себя в ситуации, способствующие приобретению желаемого качества» [Meyers, 1989, с. 95]. Другими словами, репертуар интроспективных, творческих, логических, коммуникативных и волевых навыков позволяет

людям контролировать свою жизнь. Однако это может произойти только при использовании точки зрения от первого лица, способного воспринимать свои ценности, чувства и идеи в качестве причины для действий.

Заключение

Таким образом, аксиологический горизонт нашего существования формируется как социальным опытом, так и способностью к самоопределению – с точки зрения нарративной идентичности, согласованием взглядов от первого, второго и третьего лица через конструирование самотождественности. Артикуляция собственной истории позволяет понять себя в качестве морального субъекта.

Одним из ключевых отличий модели нарративной идентичности является видение человека в качестве воплощенного субъекта. Благодаря этой особенности нарративная модель может артикулировать форму непрерывности, которая согласуется со способностью к формированию точки зрения от первого лица. Именно с точки зрения первого лица возникает способность к моральному оцениванию, поскольку нормативная сила причин, определяющих действия связана с их рефлексивным одобрением. Рассматриваемая в контексте проблемы морального действия, нарративная идентичность предполагает, что, оказавшись рассказчиком собственной жизни, человек понимает себя в качестве субъекта, реализующего инициативу через действия, которые способен оценивать задним числом, и вменять себе соответствующую ответственность.

Библиография

1. Гусейнов Ф. И. Метафизика телесности в творчестве Габриэля Марселя / Ф. И. Гусейнов // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – №8. – С. 161-172.
2. Колесов И.Ю. Интерпретирующая функция языка: перцептивно-пространственная акцентуация в картине мира / И.Ю. Колесов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2020. – № 1. – С. 67-81.
3. Костенко В. Ю. Взгляд на себя со стороны: роль рефлексии и самодетерминации в развитии личности / В.Ю. Костенко, Д.А. Леонтьев // Мир психологии. – 2016. – №. 3. – С. 97-108.
4. Логинов Е. В. Прологомены к проблеме тождества личности / Е.В. Логинов [и др.] // Финиковый компот. – 2018. – № 13. – С. 6-40.
5. Медова А. А. Время самоидентичности / А.А. Медова // Философские науки. – 2013. – № 12. – С. 101-116.
6. Михайлова Г. П. Читая «Гамлета», или обретение самости / Г.П. Михайлова // Вопросы русской литературы. – 2016. – № 4 (38–95). – С. 14–31.
7. Рикёр П. Время и рассказ. / П. Рикёр – Т.1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998 – 313 с.
8. Рикёр П. Человек как предмет философии / П. Рикёр // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 41–50.
9. Тета Ж. М. Нарративная идентичность как теория практической субъективности. К реконструкции концепции Поля Рикёра / Ж.М. Тета // Социологическое обозрение. – 2012. – Т. 11. – № 2. – С. 100-121.
10. Тхостов, А. Ш., Рассказова Е. И. Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода / А. Ш. Тхостов, Е. И. Рассказова // Психологические исследования. – 2012. – Т. 5–№ 26 [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-kak-samotozhdestvennost-individualnye-varianty-tsennosti-zavershennosti-razvitiya-i-sotsialnogo-priznaniya/viewer> (дата обращения: 29.03.2023).
11. Черванева В. А. Мифологический нарратив: информационно-коммуникативный аспект / В.А. Черванева // Традиционная культура. – 2017. – № 1(65). – С. 76-84.
12. Шабалина А.О. Два значения «познания» в теории воплощенного познания / А.О. Шабалина // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 463. – С. 69-72.
13. Goddard E. The Bionic self: neural implants and threats to identity: implications for selfhood and social relations : дис. – University of Tasmania, 2015. – 246 p.
14. Korsgaard C. M. Self-constitution: agency, identity, and integrity / C.M. Korsgaard – New York: Oxford University

- Press,. 2009. - 230 p.
15. *Korsgaard C. M.* The Sources of Normativity. The Tanner lectures on human values 12:19-112. – 1992 [Электронный ресурс] URL: https://tannerlectures.utah.edu/_resources/documents/a-to-z/k/korsgaard94.pdf (дата обращения: 29.03.2023).
  16. *Korsgaard C.M.* Creating the Kingdom of Ends./ C.M. Korsgaard. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 442 p.
  17. *Lakoff G.* Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to western thought./ G. Lakoff, M. Johnson. – New York: Basic books, 1999. – 640 p.
  18. *Meyers D.* Self, Society, and Personal Choice/D. Meyers – New York: Columbia University, 1989. – 279 p.
  19. *Ricoeur P.* Du texte a l'action./ P. Ricoeur–Essais d'hermeneutique, t.2. – Paris: Ed. du Seuil, 1986. – 409 p.
  20. *Sanders T.* Personal constructs of mind-body identity in people who experience medically unexplained symptoms / T. Sanders, D. Winter, H. Payne //Journal of Constructivist Psychology. – 2019. – t. 32. – №. 4. – P. 408-423.
  21. *Schechtman M.* Staying alive: Personal identity, practical concerns, and the unity of a life/ *M. Schechtman* –Oxford: University Press, 2014. – 214 p.
  22. *Vice S.* Literature and the narrative self / S. Vice //Philosophy. – 2003. – Vol. 78. – № 303. – P. 93-108.

Narrative identity and ethical subjectivism

Vladimir V. Babich

PhD in Philosophy,
Associate professor of the department of history and philosophy of science,
Tomsk State Pedagogical University,
634061, 60, Kievskaya str., Tomsk, Russian Federation;
e-mail: v.v.babich@gmail.com

Abstract

The connection between the models of narrative identity and the detection of ethical perception is analyzed. The proposed analysis is based on the concerns about the narrative identity of Paul Ricoeur and the moral philosophy of Christina Korsgaard. It is argued that narrative identity includes the ethical aspects of our identity as an inalienable element. The construction of a narrative identity is impossible without reference to value attitudes that follow from the fundamental intentional supports, orientations and motives observed by behavior. A model of the structure of narrative identity is proposed, presented with the identification of a hermeneutic spiral. Considered in the complex problems of a moral act, narrative presentation suggests that, being the narrator of his own life, a person understands himself as a subject that implements the initiative through an action that evaluates and changes its corresponding responsibility.

For citation

Babich V.V. (2023) Narrativnaya identichnost' i eticheskii sub"ektivizm [Narrative identity and ethical subjectivism]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (3A-4A), pp. 14-24. DOI: 10.34670/AR.2023.33.41.002

Keywords

Narrative identity, practical identity, personality, embodied knowledge, ethical subjectivism, reflective approval.

References

1. Huseynov F. I. Metaphysics of corporeality in the works of Gabriel Marcel/ F. I. Huseynov// Social and humanitarian knowledge. - 2015. – No. 8. – pp. 161-172.
2. Kolesov I.Y. The interpretive function of language: perceptual-spatial accentuation in the picture of the world /I.Y. Kolesov// Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education. – 2020. – No. 1. – pp. 67-81.
3. Kostenko V. Yu. A view of oneself from the outside: the role of reflection and self-determination in the development of personality / V.Yu. Kostenko, D.A. Leontiev // The world of psychology. – 2016. – No. 3. – pp. 97-108.
4. Loginov E. V. Prolegomena to the problem of identity of personality/ E.V. Loginov [et al.] //Date compute. – 2018. – No. 13. – pp. 6-40.
5. Medova A. A. The time of self-identity /A.A. Medova // Philosophical Sciences. - 2013. – No. 12. – pp. 101-116.
6. Mikhailova G. P. Reading "Hamlet", or finding the self / G.P. Mikhailova// Questions of Russian literature. – 2016. – № 4 (38-95). – Pp. 14-31.
7. Riker P. Time and story. /P. Riker – Vol.1. Intrigue and historical narrative. M.; St. Petersburg: University Book, 1998 – 313 p.
8. Riker P. Man as a subject of philosophy / P. Riker// Questions of philosophy. – 1989. – No. 2. – pp. 41-50.
9. Theta J. M. Narrative identity as a theory of practical subjectivity. Towards the reconstruction of the concept of the Riker Field /J.M. Theta// The Sociological Review. - 2012. – Vol. 11. – No. 2. – pp. 100-121.
10. Tkhostov, A. Sh., Rasskazova E. I. Identity as a psychological construct: possibilities and limitations of an interdisciplinary approach / A. Sh. Tkhostov, E. I.Rasskazova // Psychological research. - 2012. – Vol. 5–No. 26 [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-kak-samotzhdestvennost-individualnye-varianty-tsennosti-zavershennosti-razvitiya-i-sotsialnogo-priznaniya/viewer> (accessed: 29.03.2023).
11. Chervaneva V. A. Mythological narrative: information and communication aspect/ V.A. Chervaneva // Traditional culture. – 2017. – № 1(65). – Pp. 76-84.
12. Shabalina A.O. Two meanings of "cognition" in the theory of embodied cognition / A.O. Shabalina // Bulletin of Tomsk State University. – 2021. – No. 463. – pp. 69-72.
13. Goddard E. Bionic "I": neural implants and threats to identity: Consequences for Self and social relations : dis. – University of Tasmania, 2015. – 246 p.
14. Korsgaard K. M. Self-constitution: free will, identity and integrity/K.M. Korsgaard - New York: Oxford University Press, 2009. - 230 p.
15. Korsgaard K. M. Sources of normativity.Tanner Lectures on Human Values 12:19-112.-1992 [Electronic resource] URL: https://tannerlectures.utah.edu/_resources/documents/a-to-z/k/korsgaard94.pdf (accessed: 29.03.2023).
16. Korsgaard K.M. Creation of the Kingdom of goals./ K.M. Korsgaard. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 442 p.
17. Lakoff G. Philosophy in the flesh: the Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. / G. Lakoff, M. Johnson. – New York: Basic Books, 1999. – 640 p.
18. Meyers D. Self, society and personal choice / D. Meyers – New York: Columbia University, 1989. – 279 p.
19. Riker P. About the text and the action./ P. Riker–Essay on thermodynamics, vol.2. – Paris: Seuil Publishing House, 1986. – 409 p.
20. Sanders T. Personal constructs of mind and body identity in people experiencing medically unexplained symptoms / T. Sanders, D. Winter, H. Payne //Journal of Constructivist Psychology. – 2019. – vol. 32. – No. 4. – pp. 408-423.
21. Shechtman M. Staying alive: Personal identity, practical problems and the unity of life / M. Shechtman – Oxford: University Press, 2014. – 214 p.
22. Weiss S. Literature and the narrative Self / S. Weiss //Philosophy. - 2003. – Vol. 78. – No. 303. – pp. 93-108.